

Лариса Райская

Квазиантонимические оппозиции в русских народных говорах

Acta Universitatis Lodzianis. Folia Linguistica Rossica 7, 116-123

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Лариса Райская
(Национальный исследовательский
Томский политехнический университет)

Квазиантонимические оппозиции в русских народных говорах

Стихия некодифицированной народной речи существенно расширяет традиционные представления о возможностях парадигматических связей в лексических системах народных говоров, и в полной мере это относится к бытованию антонимов, в котором, как отмечает Я. Вежбиньски, „многообразии речевых употреблений, контекстов и ситуаций порой нарушает и тем самым расширяет поле действия языковых закономерностей” [Вежбиньски 2003].

Понятия квазиантонимии и квазиантонимов, противопоставляемые исследователями полной, точной антонимии и собственно антонимам [Апресян 1974, Введенская 1982, Новиков 1973], до сих пор представляются не вполне определенными и бесспорными. В зависимости от понимания антонимии и принимаемых критериев антонимичности лексических единиц (слов, лексико-семантических вариантов) варьируется понимание квазиантонимии¹.

В настоящей работе понятие квазиантонимов используется в значении «семантически неоднородные, несоразмерные, несимметричные лексические единицы... стилистически разнородные, одновременные и другие противопоставления... Квазиантонимы (шире – речевые антонимы) подобно истинным лексическим противоположностям играют важную роль в языке как важнейшее средство выражения контраста и связанных с ним других значений» [Новиков 1982: 255]. В силу этих свойств квазиантонимы „образуют лишь приблизительную и редко воспроизводимую противоположность” [Новиков 1985: 27].

Предложенное понятие и его определение не только достаточно точно отражает сущность явления, но и позволяет вовлечь в сферу исследования на равных правах с *истинными, точными* антонимами множество антонимических оппозиций, обладающих более низкой совместной встречаемостью в контексте в силу тех или иных особенностей речевой деятельности субъектов, а также характеризующихся большей семантической и коннотативной асимметричностью.

Поэтому особенно перспективным представляется применение такого подхода к изучению антонимических систем народных говоров, которым присущ большой выбор синонимических средств выражения лексико-семантических категорий – ведь в условиях современного полудialecta в распоряжении диалектоносителей имеется не только весь собственно

¹ Подробный обзор взглядов на сущность и объем понятия *квазиантонимы* содержится в статье „Теоретические проблемы антонимии (взгляд с рубежа эпох)” [Вежбиньски 2003].

диалектный лексикон родного говора, но и основной массив общерусского лексического фонда. Вместе с тем специфической особенностью диалектного речевого узуса является относительно низкая избирательность членов оппозиции для реализации антонимических отношений. На уровне диалектного дискурса выражение отношений противоположности часто носит характер **антонимической оппозиции**, „включающей в свое понятие слова-антонимы, предложения-антонимы, словосочетания-антонимы и другие более крупные текстовые единицы” [Моисеева 2010].

Мы предлагаем, кроме того, использовать понятие *квазиантонимическая оппозиция* (далее КАО), в котором, с одной стороны, в морфеме *квази-* отражается характер актуализации асимметричной противоположности как периферического, речевого явления, а с другой стороны, противоположность не только слов, но и других языковых единиц в составе межуровневых контрарных оппозиций.

Изучение диалектного материала по данным картотек и словарей русских народных говоров различных (подчас весьма удаленных друг от друга областей и ареалов)², обнаруживает широкую употребительность КАО в речевой практике диалектоносителей. И это при том, что представленные в настоящей работе источники (кроме Картотеки антонимов говора с. Нарым и Картотеки Среднеобских русских старожильческих говоров) являются словарями дифференциального типа, то есть не содержат статей, посвященных общерусским словам в общерусских значениях. В связи с этим использование в таких словарях иллюстраций с общерусскими антонимическими и квазиантонимическими оппозициями весьма ограничено. Однако даже при этом имеющийся материал (около 300 случаев употребления КАО) позволяет типологизировать, хотя бы в первом приближении, зафиксированные в источниках КАО.

I. Поскольку одним из основных признаков языковых, точных антонимов во всех исследованиях и словарях антонимов русского литературного языка указывается отнесенность членов противопоставления к одной части речи, справедливо будет отнести оппозиции, состоящие из единиц разной частеречной соотнесенности, к **межчастеречным** КАО. Асимметричность семантической структуры их противочленов³ обусловлена прежде всего наложением на семантику контрарности лексических единиц категориального грамматического значения – предметности, атрибутивности, процессуальности и т.д.

1. Из КАО модели ‘слово↔слово’ наиболее употребительны оппозиции

а) ‘имя существительное↔имя прилагательное’: *Внучек мой такой прилежный был, а теперь – шарлот* [шалун] – *все бегаёт, дерется* (Приамур.)⁴;

² См. список **Источники** в конце статьи.

³ Имеется в виду более высокая степень асимметричности, нежели у полных, точных антонимов, у которых асимметричность семантической структуры обусловлена тем, что в состав значения второго члена оппозиции входит сема предельного отрицания признака, выраженного противочленом.

⁴ Здесь и далее в примерах подчеркнуты члены КАО, в круглых скобках приводится источник, в квадратных – пояснение автора (или собирателя) или ‘значение диалектного слова’.

Обстоятельная! [‘не легкомысленная, вызывающая уважение’] *Не кака-нибудь вертихвоска* (Акчим.); *Ну, ты и верба* [‘высокий человек’]. *Я не маленький, а тебе тока до плеча достаю* (Краснояр.); *Она уж образованная: учительница, это мы коблы* [‘кобел – о некультурном, невежественном человеке’]...и то редкий день, как с мужем не скандалит (Деул.); *Привозят то какой-нибудь маломер* [‘одежда или обувь малого размера’], *то большушиши* [тапки] (Нарым.); *И завистных* [‘трудолюбивых, работающих’] и *лодырей* – всех равняет [дождь] (Деул.). В подобных случаях не представляется возможным определить наличие контекстуальной (окказиональной) субстантивации прилагательного в КАО, однако в рассматриваемых диалектных словарях субстантивные значения у таких прилагательных не отмечены;

б) КАО ‘имя существительное↔наречие/слово категории состояния’: *Щас же все эти продавцы работают у нас на мухлюйстве* [обмане], *честно* не любят – я уж это признала (Нарым.); *Трое в земле* [‘покойники’] и *пятеро наверху* [‘в живых’] (Акчим.); *Ну, кого скушно, мне с ей веселье тако* (Нарым.) – ср. *Кака трудна жизнь была, а жили весело, а счас така жись – все есь, а така скука* (Нарым.); *Утром вот усну, наутрэ, а с вечера не могу* (Акчим.); *Что ты все на ветками* [‘намеками’], *ты прямо говори* (Краснояр.);

при этом КАО ‘глагол↔существительное’ фиксируется в единичных случаях, очевидно, в силу слабой совместимости антонимической аттракции слов с предметным и процессуальным значениями: *Никакой вражды у нас не было, семнадцать лет дружили* (Нарым.).

2. КАО модели ‘слово↔словосочетание’ [Введенская 1972]: *Хватит девовать* [‘быть, оставаться в девушках, не выходить замуж долго’], *пора замуж выходить* (Краснояр.); *Ты оберучье* [‘обеими руками’] *топор держи, что ты одной рукой сделаешь* (Краснояр.); *Старых жителей совсем мало. Все переселенцы* (Нарым.); *На святки одна партия наряжалась в ремки* [‘старая, изношенная одежда’], *а другая в новую одежду* (Краснояр.).

3. КАО модели ‘слово↔фразеологическая единица (ФЕ)’ [Миллер 1990, Мардиева 2003]: *Богато было. Отработаем до вечера, а потом всей ватагой трепетом ходим* [‘трепетом ходить» – ‘гулять, весело отдыхать’] (Краснояр.); *Ноне-то христовва жись* [‘христовая жизнь» – ‘богатая, радостная жизнь’], *а ране-то лешакovsky года* [‘лешаковский» – ‘трудный, тяжелый’] (Краснояр.); *Мордочка-то хто* [‘морда» – ‘вид плетеной ловушки для рыбы’], *величко ли она* [‘величко ли» – ‘небольшой, маленький’], *а верша большй* (Краснояр.). В случае большей сложности семантической структуры ФЕ его противочлен-слово в КАО может распространяться до сочинительного сочетания: *Мой всегда одет по цыпочкам, грязно да неглажено не оденет никогда* (Краснояр.) По данным словаря, ФЕ ‘одеться по цыпочкам’ – ‘одеться чисто и аккуратно’, следовательно, КАО ‘по цыпочкам↔грязное’ ситуативно оказывается недостаточно точным и выразительным с точки зрения жены и хозяйки, гордящейся тем, что расходует много сил на стирку и глажение; отсюда потребность уравновесить противочлен-ФЕ сочетанием ‘грязное да неглаженое» – ср. *У их чисто да обиход, а у нас в избе всякий набат* [экспр. ‘сор, беспорядок в доме’] (Акчим.).

II. Помимо межчастеречных КАО, в говорах употребительны такие, в которых противочлены представлены единицами одной части речи, но с выраженной **семантической и/или коннотативной асимметричностью**, „чрезмерной“ для собственно языковых, относящихся к ядру лексико-семантической категории, антонимических оппозиций. В зависимости от самого характера асимметричности противочленов такие весьма разнообразные КАО объединяются [Новиков 1973] в группы.

1. Семантически неоднородные КАО:

а) противопоставления, в которых слова могут отличаться друг от друга элементом (компонентом) значения, входящим в смысловую структуру только одного из них: *Вот я эти носки надела, я их зиму не спускала, носила* (Нарым.) – здесь противочлен КАО *спускать* содержит сему направления действия (*спускать* – ‘снимать вниз’), которой нет в первом слове;

б) противопоставления выражают различную степень проявления взаимно противоположных качеств и свойств, принадлежащих одной сущности. Такие различия могут выражаться на словообразовательном уровне, когда противочлен содержит «увеличительный» суффикс – *Ну, у вас дом огромный, у меня-то маленький* (Нарым.); *Сама маленька, а мужик матерушиный* (Краснояр.). Выбор оппозиций такого типа может быть продиктован, напротив, стремлением говорящего к эвфемизации высказывания; этим, вероятно, обусловлена широкая употребительность в говорах КАО *молодой ↔ пожилой* (ср. симметричную оппозицию *молодой ↔ старый*): *Ну, однако, молодых сейчас в церкви нету, все пожилые* (Нарым.).

2. Антонимы семантически однородные, но **стилистически разноплановые** в речи диалектоносителей не реализуются в силу отсутствия противопоставленности стилей в говорах. Тем не менее общерусские слова используются в метаязыковых контекстах для пояснения значения диалектизма, часто с актуализацией синонимо-антонимических связей в КАО: *Вон Мотя толпега [– Какая это?] – Да толстая, хош абрютка...меня вот толпегой не назовешь, жильрой назовут, сухожилой* (Деул.).

3. Для диалектной речи (в еще более высокой степени, чем для разговорной речи литературного языка) характерны **оценочные КАО с коннотативной асимметрией**. Это обусловлено существенными различиями в значимости положительного и отрицательного оценивания явлений, признаков и действий: отрицательная оценка обычно важнее, так как направлена на осуждение и изживание *недолжного*, поэтому акцентирование отрицательной оценки выполняет в социуме роль охраны этических и эстетических норм. Отрицательная экспрессия часто подчеркивается звукоподражательным происхождением соответствующего противочлена или наличием морфемы со значением негативной оценки: *Мужик припасет, а она мутарит [‘расходует, разбазаривает, тратит без пользы’]* (Краснояр.); *Чего игрушки-то по всему дому расфыркал! [‘раскидал, разбросал’]* *Убери сейчас же* (Краснояр.); *Яшка-то красавец?! Ну да, така страшила дак...* (Нарым.).

Специфическим видом асимметричности, как представляется, следует признать отношения в КАО, в которых один из противочленов выражен словом с прозрачной и яркой внутренней формой. В этом случае асимметричность обусловлена наложением на значение сигнификативное значения мотивационного, часто образного: *Хоть бы одну вещь сделал ладом* ['как следует, как должно']. Все *по-топорному* (Краснояр.), где наречие *по-топорному*, кроме словарного значения 'небрежно, кое-как', реализует компонент значения 'как бы топором сделано'; в КАО *непролазный* ↔ *реденький* первый противочлен, кроме значения 'очень густой' эксплицирует мотивационное значение 'нельзя пролезть': *Такой был лес – непролазный, девки и ходить там боялися, а тут стал реденький, а черемхи не стало как-то* (Нарым.).

4. КАО, в которых противочлены находятся в отношениях **включения** (гипо-гиперонимических, родо-видовых отношениях). При этом роль противочлена-гиперонима сводится, как правило, к самому общему обозначению противоположности противочлена-гипонима, к роли десемантизированного маркера антонимичности противопоставляемых единиц.

Анализ КАО в говорах дает основание полагать, что наиболее типичными десемантизированными маркерами противоположности выступают слова со значением общей положительной или отрицательной оценки: *хороший, плохой, никакой, добрый*. Наиболее употребительно при этом слово *хороший*, реализующее прямое значение и в полных, точных антонимических оппозициях: *И худого* ['плохого'] *и хорошего* было, все было (Среднеобск.); *Самых худых величают, и хороших, и средних, недоумок никак не величают* (Среднеобск.).

В то же время прилагательное *хороший* зафиксировано в говорах в КАО с такими противочленами, как *строгий* (Среднеобск.), *улогий*, *сухой*, *развальный*, *немой*, *лохмтый* (Деул.) и др.: *Мать у меня была хорошая, она меня больно любила, а она лихостная* ['злая'] (Деул.); *Я ходю за рыбой, хороших рыбаков ищу, а не развалых* [перен.'неловкий, нерасторопный, несообразительный человек'] (Деул.); *Опята – тоненький корешок, у березовых пней они растут хорбиши, а у осиновых – горьки* (Среднеобск.). В приведенных контекстах отношения между членами оппозиции, казалось бы, не выходят за рамки противоречия, контрадикторности. Однако значения слова *хороший* даже в литературном языке очень многочисленны, причем все значения, выделяемые в словарях, кроме первого, прямого⁵, являются производными, конкретизирующими значениями одного, чрезвычайно абстрактного значения положительной квалификативной оценки (ПКО), более общим является только значение квалификативной оценки вообще, которое включает подмножества значений слов и *плохой*, и *хороший*. Например, одно из значений слова *хороший* – 'обладающий положительными моральными качествами' [Словарь русского языка 1984: 621], можно представить в виде суммы значений ПКО и компонента 'в этическом отношении'. Таким образом, значение более конкретное, производное представляется более сложным по семантике.

⁵ Хороший - 'обладающий положительными качествами, свойствами, вполне отвечающий своему назначению; *противоп.* плохой' [Словарь русского языка 1984: 620].

Обилие таких значений связано, видимо, с тем, что значение ПКО в данном контексте всегда требует указания на конкретный объект оценки, квалифицируемый признак. Высокая употребительность такого признака с ПКО ведет к дальнейшему развитию полисемии слова *хороший*. Характерно, что и в говорах д. Деулино, и с. Нарым развитие полисемичности этого слова происходило совершенно тождественно и привело к появлению значений: 1) 'обладающий положительными качествами и свойствами'; 2) 'здоровый, полноценный; не уставший, не утомившийся'; 3) 'красивый, приятный на вид': *При хорошем уборе и плохая будет красивая, а в наше одень – и хорошая будет плохая* (Деул.); *Обличье есь немного остяковое, а остальные остяки, они не скажешь, что страшные – хорошие, если чистокровный остяк* (Нарым.). В следующих контекстах слово *хороший* употреблено в значении 'здоровый, полноценный': *Была хорошая, ехала из Рязани што ль, об вятло зацепилась, вон гли – никакая стала* (Деул.); *Как хороша кровь, так комочек в воде, а как дурна, так кровь в воде лоскутьями сделается* (Среднеобск.).

Во всех рассмотренных случаях члены КАО семантически различаются только по одному компоненту значения – по знаку квалификативной оценки: у одного из членов пары она всегда положительная, а у другого – отрицательная. Однако в большей части КАО со словом *хороший* наблюдается более выраженная семантическая асимметрия. Так, в КАО *сухой* ↔ *хороший* (*Вино ей в пользу... то была сухая, а то стала уж хорошая* – Деул.) *хороший* выражает признак 'полный, упитанный'. Однако в словаре говора не фиксируется это значение, поэтому очевидно, что наличие признака 'полный, упитанный' индуцируется контекстом со словом *сухой*, которое имеет в деулинском говоре регулярное значение 'худой, тощий'.

КАО *хороший* ↔ *лохмотый* ['развалившийся, пришедший в негодность, ветхий'] реализуется в контекстах: *То... ругает: «Вася, Вася, давай по-хорошему: в какой ты дом взошел лохмотай, какой у тебе дом хорошай»* [остался у жены, а не у матери] (Деул.); *Один бок у одеяла хорошай, другой – лохмотай* (Деул.); *Я двоя сапох вясной износила, лохмотай износила и хорошай износила* (Деул.). Таким образом, в противочлене *лохмотый* значение отрицательной оценки конкретизируется и дополняется двумя компонентами – 'ветхий' и 'пришедший в негодность', в то время как *хороший* таких компонентов не содержит. Такого рода асимметричность сохраняется и в том случае, когда положительный член оппозиции семантически усложняется.

Возникает вопрос, чем объясняется столь широкое употребление слова *хороший* в качестве положительного члена КАО в говорах. Очевидно, это обусловлено значением ПКО какого-либо качества или свойства предмета, явления, лица, а также развитием полисемичности слова со значением общей позитивной оценки⁶. В условиях типовой антонимической конструкции (для говоров особенно характерны бессоюзные оппозиции) это слово

⁶ Отмечено, что иногда носители говора сами осознают противоречие между характером оценок частной и общей одного и того же объекта: *А человек когда веселый, все это в обществе, так это хороший. Он, может, и нехороший в жизни, а когда веселый он в компании, он и хороший* (Среднеобск).

в качестве положительного члена оппозиции выполняет свою локальную функцию, вызывая в представлении слушателя соответствующее противопоставление: в обиходе носителей говора ситуации и реалии, о которых идет речь, бывают в общих чертах знакомы собеседникам, а потому далеко не всегда требуется семантически точное выражение противоположности даже в метатекстах.

Имеющийся у диалектоносителей опыт успешного решения коммуникативных задач в условиях «приблизительного» словоупотребления побуждает их вновь и вновь использовать квазиантонимические оппозиции в живой речи, что, очевидно, позволяет сделать вывод о специфичности строения и актуализации антонимического поля в диалектной речи.

Источники

(Акчим.) – *Словарь говора деревни Акчим Пермской области*, выпуск III, Пермь, 1995.

(Деул.) – *Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области)*, Москва, 1969.

(Краснояр.) – *Словарь русских говоров северных районов Красноярского края*, Красноярск, 1992.

(Нарым.) – *Картотека антонимов говора села Нарым Парабельского района Томской области*.

(Приамур.) – *Словарь русских говоров Приамурья*, Москва, 1983.

(Среднеобск.) – *Картотека Среднеобских русских старожильческих говоров. Словарь русского языка*, т. 4, Москва, 1984.

Библиография

Апресян Ю. Д. [1974], *Лексическая семантика*, Москва.

Введенская Л. А. [1972], *Антонимия между словом и свободным словосочетанием*, [в:] „Филологические этюды”, серия Языкознание, вып.1, Ростов-на-Дону.

Введенская Л. А. [1982], *Словарь антонимов русского языка*, Ростов-на-Дону.

Вежбиньски Я. [2003], *Теоретические проблемы антонимии (взгляд с рубежа эпох)*, <http://www.russian.slavica.org/article2215.html>.

Мардиева Э. Р. [2003], *Принципы составления словаря фразеологических антонимов русского языка*, Уфа.

Миллер Е. Н. [1990], *Природа лексической и фразеологической антонимии*, Саратов.

Моисеева Е. М. [2010], *Антоним или антонимическая оппозиция?*, http://nkras.ru/nt/2010/Moiseev_

Новиков Л. А. [1973], *Антонимия русского языка*, Москва

Новиков Л. А. [1982], *Семантика русского языка*, Москва.

Новиков Л. А. [1985], *Русская антонимия и ее лексикографическое описание*, [в:] Львов М. Р., *Словарь антонимов русского языка*, Москва.

Summary

Larysa Rayskaya

Quasi antonymous oppositions in the Russian folk dialects

The article covers the actualization of quasi antonymous relations in the lexical system of Russian national dialects. The phenomenon of quasi antonymy can be observed both in dialects and the colloquial speech. Taking into consideration the process of its functioning, we can say that quasi antonymy acts in the quasi antonymous oppositional form. When compared to the accurate ("true") antonymous oppositions, quasi antonymous oppositional structure has a higher degree of semantic asymmetry and the part of speech heterogeneity, but less regular joint repeatability.

In the article there are described some types of quasi antonymous oppositions in dialects, taking into account the character of linguistic units as well as the relations between their parts.